Текст · 30 января 2019, 07:18
Дмитрий Швец,

В поисках Андрея. Как стать обвиняемым в убийстве из-за залысин, недомогания и потерянной карточки

В ноябре 2018 года коллегия присяжных оправдала московского сварщика Георгия Шевченко, который обвинялся в убийстве бездомного, но настаивал, что полицейские приняли его за преступника из-за череды несчастливых совпадений. Дима Швец выслушал рассказ Шевченко о том, как потерянная банковская карточка и эпилептический припадок, случившийся в ненужное время и в ненужном месте, обрекли его на пытки в полиции.

«Три семерки» и девять ножевых

Теплым вечером 26 июля 2017 года в трапезную при старообрядческой церкви в московской Рогожской слободе забежала взволнованная девушка. Она кричала и просила вызвать скорую помощь.

Лавка-трапезная рядом с местом убийства. Фото: из материалов дела

В трапезной в тот момент был чтец Павел Душкевич, он узнал девушку — вместе с другими бездомными она часто просила милостыню у церкви. Попрошайка объяснила, что кто-то напал с ножом на ее друга.

На поляне снаружи Душкевич заметил двоих знакомых бездомных, один из них был весь в крови и утирался футболкой.

Согласно показаниям врача скорой помощи, пострадавшим был небритый коротко стриженый мужчина лет тридцати с татуировкой скорпиона на груди. В 21:37 приехавшие медики застали его в тяжелом состоянии, а в 22:03 наступила остановка дыхания и клиническая смерть. Через полчаса мужчина скончался в машине скорой помощи.

С тех пор, говорит Душкевич, эта компания перестала просить милостыню у старообрядческой церкви.

Перед смертью потерпевший успел назвать свое имя, его личность установили — это был Александр Сухоребриков 1986 года рождения из Саратовской области. Его сестра Ольга Силина кратко рассказала следователям о жизни брата: окончив девять классов школы, юноша отслужил в армии, потом часто менял работу и, не имея специальности, подолгу нигде не задерживался. Несколько раз он уезжал на заработки в Москву, но каждый раз возвращался домой.

В 2015 году Александр выучился на сварщика, а в марте 2017 года в очередной раз отправился в Москву — перед отъездом родные в последний раз видели его живым. Он, впрочем, звонил матери с чужих телефонов и рассказывал, что работает и живет на стройке. Последний разговор состоялся 5 июля: Александр тогда поздравлял мать, которой за два дня до этого исполнился 61 год.

Ножевые ранения на теле убитого Александра Сухоребрикова. Фото: из материалов дела

«По характеру брат спокойный, неагрессивный, злоупотреблял спиртными напитками, — говорила сестра погибшего. — Находясь в состоянии опьянения, мог быть конфликтным, принять участие в драке или спровоцировать ее».

О московском периоде жизни Александра следствию известно со слов его бездомных товарищей, которых забрали в СК с места преступления.

«Живу на улице, на поляне, расположенной в полосе отвода железнодорожных путей Курского направления в районе моста, расположенного на Нижегородской улице. Вместе со мной на указанной поляне проживали еще трое — лица без определенного места жительства Репич Станислав по кличке Хромой, Веревкин Игорь и мужчина по имени Александр <...> Александр ранее судим за убийство, и в течение девяти лет отбывал наказание за данное преступление, — говорила двадцатилетняя Екатерина Ефимова. — Мы все не работаем, источниками нашего существования являются сбор милостыни у старообрядческой церкви, сбор и сдача лома цветных металлов».

Убийства Екатерина не видела — когда она пришла на поляну, Александр уже истекал кровью; о нападении девушка узнала от знакомых-очевидцев.

Со слов свидетеля Веревкина, в день смерти Александра они вдвоем пили с самого утра. Время от времени кто-то из компании приходил и уходил, а Игорь и Александр продолжали пить портвейн «777» в глубине поляны, делая перерывы на сбор милостыни — побираться ходили на тропинку у церкви. Около

девяти вечера некоторые из бездомных уже спали, а двое приятелей продолжали просить подаяния у прохожих. В этот момент к ним подошел местный бездомный пьяница по имени Андрей. Веревкин запомнил, что он несколько раз выпивал и побирался вместе с компанией, а в тот раз попросил налить ему.

«Александр сказал, чтобы он шел просить у прохожих, и что наливать он ничего не будет. Услышав отказ, Андрей молча ушел в обратном направлении. Через несколько минут к нам присоединилась Елена, которая, выпив водки, легла на траву рядом, а мы продолжили просить деньги», — вспоминал свидетель.

По его словам, примерно в 21:20 Андрей вернулся. Он пришел со стороны ближайшей «Пятерочки», расположенной за трапезной, и начал бить Сухоребрикова, сидевшего на газоне. В какой-то момент свидетель заметил в руке нападавшего нож.

Вещдок, найденный на месте убийства. Фото: из материалов дела

Приятели Сухоребрикова, не сразу сообразив, что происходит, начали кричать, а нападавший побежал прочь — под мост на Нижегородской улице. За ним никто не погнался: бездомные предпочли не догонять вооруженного Андрея и кинулись в церковную лавку просить вызвать скорую. Потерпевший скоро умер. На его теле медики насчитали девять ножевых ранений, пять из которых стали непосредственной причиной смерти.

Нападавшего Андрея свидетели описывали так: возраст около 40 лет, рост — примерно 180 сантиметров, среднее телосложение, короткие светлые волосы, заметные залысины, овальное лицо с тонким и острым носом, недельная щетина, красное лицо, одет в черную болоньевую куртку с капюшоном, темные джинсы и кеды. Задержать убийцу по горячим следам не удалось.

«Собака, взяв след от угла дома №35 по улице Рогожский поселок, прошла прямо по тротуарной дорожке 75 метров, где на углу дома №7 по улице Рогожский поселок работу прекратила, — говорится в акте о применении служебной собаки Лины, составленном вечером после убийства. — В результате работы собаки был указан предположительный отход преступника».

Более подробно об убийце никто рассказать не смог, разве что двадцатилетняя Ефимова вспомнила рассказ Андрея о том, что за месяц до нападения у него случился приступ эпилепсии, и врачи скорой оказывали ему помощь.

Она опознала Андрея дважды. Один раз — на записи с камеры наблюдения в магазине «Пятерочка», сделанной примерно за полтора часа до убийства. Затем Екатерине и еще нескольким бездомным порознь показывали фотографии трех мужчин, и они указали на одного из них как на убийцу — им оказался сварщик Георгий Шевченко.

Подозреваемого задержали полгода спустя. Он говорит, что никогда не бывал на улице Рогожский

поселок и не знал — а уж тем более, не убивал — бездомного Сухоребрикова.

Мусорный пакет, книга с триколором и смоленский самогон

Шевченко родился в Ташкенте в 1970 году, окончил Ташкентский автодорожный институт, в Москву переехал в 1994 году. Он рассказывает, что ради квартиры на окраине, в Медведково, заключил фиктивный брак с москвичкой и работал директором по установке газетных павильонов «МК-Пресс», а потом ушел в строительство — «занимался выделением мощностей на объекты» и согласованиями. В 2005 году Георгий стал фигурантом уголовного дела о покушении на кражу (часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 158 УК): по версии следствия, попытался вытащить кошелек из сумочки посетительницы «Макдональдса», с которой сидел за одним столиком, но был задержан. Сейчас он утверждает, что дело сфабриковали, чтобы вымогать у него взятку в 500 евро.

«Следователь говорила, что все хорошо, дадут условный, дала мне уголовное дело отвезти в прокуратуру — я отвез и забыл про него. Проходит три с половиной года, меня останавливают в Твери, где у меня уже другой брак, другая жена, и при проверке документов выясняется, что я в розыске», — рассказывает Георгий.

Как следует из приговора, поначалу Шевченко признал вину, а когда дело рассматривалось в Мещанском суде, заявил, что находился в шоковом

состоянии и не знает, как у него оказался чужой кошелек с двумя с половиной тысячами рублей. Судья не поверил подсудимому и назначил ему год колонии.

К этому времени, говорит Георгий, он лишился квартиры в Медведково (говорит, что стал жертвой мошенничества), ходил без паспорта — потерял, а зарегистрирован был в Волоколамске, где купил долю в «резиновой» квартире. Когда Шевченко вышел из колонии, он был уже официально лицом без определенного места жительства: из Волоколамска его «выписали».

«Так получилось, закрутился... Мне сказали, что меня не имели права выписывать. Хотя я купил жилплощадь, действительно я вот это затянул», — объясняет он, рассказывая, что жил в Подмосковье то у приятеля, то в общежитии, но никогда не бродяжничал, пользовался военным билетом и водительскими правами, а в 2016 году получил новый паспорт.

Летом 2017 года, когда в Рогожской слободе был убит бездомный Сухоребриков, Георгий работал бригадиром сварщиков, которые занимались демонтажом зданий в районе метро «Авиамоторная». Задержали его 31 января 2018 года, когда он приехал в подмосковную Коломну инспектировать строительный объект.

На выходе из электрички к нему для проверки документов подошли полицейские. Шевченко уверяет, что после истории с кражей в «Макдональдсе» его данные почему-то остались в розыскной базе МВД, так что мужчину часто

задерживали, но потом, выяснив, что он уже отбыл наказание, каждый раз отпускали — он успел привыкнуть к такой процедуре и не волновался.

Но в тот раз события развивались иначе: Георгию сказали, что он разыскивается за совершение особо тяжкого преступления, и скоро за ним приедут из Москвы. Столичные оперативники, прибывшие часа через полтора, поинтересовались, почему он скрывался.

«А каким образом я скрывался, если я пользовался картами и паспортом? — рассуждает Шевченко. — Они смотрят и смеются, у них розыскное дело. Говорят — мы все понимаем, но ты находишься в федеральном розыске за убийство».

Недоумевающего сварщика повезли в отдел внутренних дел по Нижегородскому району Москвы, а по пути оперативники посоветовали ему вспомнить, где он потерял банковскую карту — полицейские обмолвились, будто ее нашли рядом с трупом. Со слов Шевченко, карточку он потерял незадолго до этого вместе с кошельком, где — точно не знает, но, возможно, кошелек выпал, когда он перелезал через забор у железнодорожной платформы «Новая».

В отделе задержанного подняли на четвертый этаж, как он узнал позже — в кабинет заместителя начальника по оперативной работе Андрея Мешкова, который стал показывать Георгию фотографии окровавленного трупа на планшете.

«Не узнаешь, говорит, кого ты убил? Я отвечаю — подождите, давайте как-то объясните. Он мне — в последний раз спрашиваю, узнаешь или нет? Я пытаюсь... подождите, объясните — что это за человек? Ну все, говорит, щас приедут опера с Петровки, они беспредельные, и не таких разговаривали, подожди, животное, я об тебя руки пачкать не буду», — вспоминает Шевченко разговор с оперативником.

На пару часов задержанного оставили пристегнутым наручниками к батарее в коридоре, потом к нему подвели девушку. Георгий описывает ее как «бомжеобразную, в ужасно грязном состоянии»; та «начала орать: "Да, это он, Андрей, я видела, как он резал Сашу"». Это была Екатерина Ефимова — та самая бездомная, что по фотографии опознала Шевченко как человека, убившего ее приятеля. По словам сварщика, девушку весело приветствовали оперативники: «Катюха, пойдем нальем!».

Бездомную увели, вскоре мимо Георгия в кабинет прошли несколько незнакомых крепких молодых людей, а дальше события развивались по стандартному сценарию, который разыгрывается, когда подозреваемый настаивает на свой невиновности, а силовиков его позиция категорически не устраивает.

В кабинете, куда его завели, Шевченко насчитал шесть человек. Мужчину усадили на стул, руки завели назад, застегнули наручники и спросили: «Быстро, ты признаешься или нам с тобой возиться?». Признаваться задержанный не стал, и на голову ему надели мусорный пакет.

«Он был немного прозрачный, а неподалеку лежал справочник в твердом переплете с триколором. Триколор запомнился, книга увесистая. Я начал получать удары книгой по голове, били, как я понял, баклажкой по книге. Я задыхался, а им очень было весело. Когда я начал чувствовать, что все, попытался прокусить пакет зубами; один ржет, а другой говорит — смотри, чтобы он тебе пальцы не откусил, жить-то хочет, падла, — вспоминает Шевченко. — В перерывах говорили — быстро давай, напишешь явку с повинной, и все это закончится. Пару раз я терял сознание, один раз упал и разбил колено — меня не успели поймать, и Мешков стал ругаться. Глаза их выражали какое-то довольствие, Мешков говорил: "Смотрите только, чтобы он не обосрался, а то в прошлый раз один обосрался, воняло"».

По ощущениям Георгия, пытки продолжались часа три; потом он понял, что сопротивление бесполезно, и согласился все подписать. Полицейские сразу как-то подобрели.

«После трех часов избиений они говорят — мы же тоже люди. Мешков стал как отец родной, достал пластиковую бутылочку, говорит — давай выпьем и успокоимся. Сказал, что один опер со Смоленской губернии самогон привез, влили бутылку в меня», — вспоминает Шевченко допрос в ОВД.

Когда уже стемнело, трое незнакомых оперативников повезли Георгия к месту убийства — Шевченко говорит, что тогда он впервые и побывал на улице Рогожский поселок. Ему доходчиво объяснили, что надо говорить при проверке показаний на месте: он пришел к поляне со стороны Нижегородской улицы, напал на Сухоребрикова и убежал обратно в сторону Нижегородской.

Проверка показаний Шевченко на месте. Фото: из материалов дела

Как вспоминает Шевченко, один из оперативников озадачился вопросом: как же преступник перебежал оживленную Нижегородскую улицу, если на ней установлен разделительный барьер?

«Самый главный оперативник, Воропаев из ЮВАО, сказал, что во время убийства на улице не было разделительного барьера, и показал, где именно я перебежал под мост, — говорит Георгий. По данным *Google Maps* и «Яндекс.Карт», в июне 2017 года на Нижегородской улице действительно еще не было барьера, но к 2018 году он уже появился. — Говорят: ты все понял? Куда мне деваться, конечно, все. Они мне — еще раз напоминаем: если ты скажешь не все это, тебя все равно вернут к нам. И рассказали, что со

мной будет — что меня били и душили, это цветочки. Пообещали переломать все».

Потом Шевченко отвели в машину. По пути в ОВД оперативники купили ему пачку «Явы» и бутылку водки, большую часть которой заставили выпить. В отделе оперативник Денис Гайфуллин уже ждал Георгия с распечатанными документами, которые тот подписал не глядя и не снимая наручников.

Проверка показаний Шевченко на месте. Фото: из материалов дела

«Это, оказывается, была явка с повинной. Я с ног валился, у меня страшно болела голова, я просто хотел избавиться от всего этого», — говорит сварщик.

Признался же Шевченко в следующем: он — бездомный, постоянно пил с такими же бродягами, в июле познакомился с Екатериной, Еленой, Игорем по прозвищу Кабардос (возможно, Веревкиным) и Александром по прозвищу Ростовский — вероятно, имеется в виду убитый Сухоребриков, хотя тот был родом из Саратовской области.

В день убийства, говорится в показаниях Шевченко, он с похмелья проходил мимо знакомых, которые отмечали освобождение из колонии некоего Юрия Шеина, и попросил налить ему выпить, но Александр отказал и пригрозил избить его, если Георгий будет донимать компанию новыми просьбами.

Шевченко, утверждается в документе, обиделся на столь грубый отказ и пошел на Нижегородскую к торговому центру «Три Д», рядом с которым у него

был припрятан пакет с ножом, футболкой и бутылкой воды. Затем он вернулся к бездомным, восемь-девять раз ударил ножом Александра и быстрым шагом пошел в сторону Таганской улицы.

«Пятерочка», со стороны которой, по словам свидетеля Веревкина, пришел убийца, расположена к северу от места преступления; ТЦ «Три Д» — к югу.

«Хочу отметить, что в отношении меня противоправные действия сотрудниками полиции и иными правоохранительными органами не совершались, — отмечается в протоколе допроса. — Давления на меня никто не оказывал. Признательные показания давал и даю в настоящее время добровольно».

Так за один день 31 января ранее судимый за покушение на кражу кошелька сварщик Георгий Шевченко съездил в Коломну и обратно, сам того не желая, дважды сильно напился, подвергся пыткам и сознался в убийстве.

Георгий отказывается становиться Андреем

На следующее утро при участии следователя Закирьянова, понятых из числа сотрудников ЧОП и адвоката по назначению Александра Герасина состоялась проверка показаний Шевченко на месте.

Подозреваемый, как помнил, повторил ночной рассказ оперативников об убийстве; по словам Георгия, когда его изложение в чем-то расходилось

с предыдущими показаниями, следователь махал рукой и говорил: «И так сойдет, у нас четыре свидетеля».

Затем последовали допрос, медосмотр, ночь в изоляторе временного содержания и арест в Лефортовском районном суде. Один оперативник, вспоминает Шевченко, «настоятельно посоветовал» и впредь придерживаться признательных показаний, угрожая, что в противном случае Георгий окажется в пресс-хате — пыточной камере.

Первое время, находясь в СИЗО-4 «Медведь», обвиняемый ждал новостей по уголовному делу и не менял показания, помня об угрозах оперативников. Но на первом же продлении срока ареста уголовное дело переквалифицировали с части 4 статьи 111 УК (причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть) на часть 1 статьи 105 (убийство), и Шевченко заявил, что невиновен и готов дать новые показания о том, что первоначальные признания из него выбили силой.

В это же время, рассказывает Георгий, он вспомнил разговор с оперативниками, которые по пути из Коломны в Москву говорили, что его банковскую карту нашли рядом с трупом — и начал догадываться, почему его заподозрили в убийстве. По словам Шевченко, после потери он не стал восстанавливать карточку, потому что на ней все равно не было денег, и просто забыл о ней.

При этом в материалах дела эта карта не упоминается ни разу — даже в протоколе осмотра места происшествия, где перечислены вещи, найденные

на поляне у церковной трапезной. В документе, составленном в день убийства, говорится лишь о нескольких бутылках из-под портвейна, окурках и вещах, принадлежавших, вероятно, убитому — на них нашли его ДНК. Биологических материалов Шевченко на этих предметах экспертиза не обнаружила.

Вещи, найденные на месте убийства. Фото: из материалов дела

Сам он, впрочем, приводит еще один аргумент в пользу того, что его банковская карточка все же побывала на месте преступления. Как утверждает Георгий, карта была привязана к телефонному номеру, которым он пользовался — Шевченко купил сим-карту с рук в подземном переходе, как выяснилось позже, она была зарегистрирована на некоего крымчанина Александра Кожемяко.

Георгий думает, что обнаружение его карточки на месте убийства — единственное логичное объяснение тому, что силовики вычислили его номер: согласно материалам дела, в октябре 2017-го, то есть еще до задержания Шевченко, следователь обратился в суд с ходатайством о доступе к данным о соединениях номера, которым пользовался подозреваемый в убийстве. Месяцем позже СК направил соответствующий запрос в компанию *Tele2*.

В материалах, правда, нет никаких указаний на то, как именно оперативникам удалось установить номер Георгия. Так или иначе, оператор предоставил следствию данные о соединениях с номера Шевченко в феврале 2018 года, уже после его задержания. Однако

в итоге следователь Лефортовского межрайонного следственного отдела СУ по ЮВАО Сергей Коннов констатировал, что в отчете, содержащем данные за период с момента убийства, нет никакой информации, полезной для расследования.

Еще одно обстоятельство, из-за которого силовики могли связать Георгия Шевченко с убийством — упомянутый в показаниях бездомной Ефимовой рассказ Андрея о том, как ему вызывали скорую помощь из-за приступа эпилепсии. Следствие направило на станцию скорой запрос с просьбой перечислить все зафиксированные случаи, когда медики оказывали помощь при эпилептических припадках в Таганском, Нижегородском и Рязанском районах Москвы. В ответ им выслали данные о 118 случаях, в одном из них пациентом оказался Шевченко. Скорая выезжала к нему во двор дома на Николоямской улице, рядом с адресом — пометка «помощь бездомным». Отмечалось, что Георгий находился в сознании, в состоянии после судорог, в графе диагноза значится «эпилепсия неуточненная».

Шевченко подтверждает, что 31 мая 2017 года, когда он ждал в районе метро «Площадь Ильича» коллегу по работе, ему действительно стало плохо, и прохожие вызвали скорую. Впрочем, он настаивает, что эпилепсией не страдает, а в тот раз просто плохо себя почувствовал.

Хотя и Георгий Шевченко, и мужчина на записи с камеры в «Пятерочке» лысоваты, в их внешности есть существенное различие — рост. Если бездомные

описывают Андрея-убийцу как мужчину выше 180 сантиметров, то Шевченко — заметно ниже.

Кадры из видеозаписи с камеры в «Пятерочке». Фото: из материалов дела

«Каждый человек был в магазине "Пятерочка" — есть определенные стандарты. Гораздо позже до меня дошло: показывают [записи] с двух камер, а на такой магазин положено семь-восемь камер, — рассуждает Георгий. Он предполагает, что съемку с других точек, на которой ясно видно, что посетитель супермаркета — не он, специально не включили в материалы дела.
— В чем у них сформировалась [версия следствия]?
Вроде неустановленная эпилепсия, был в розыске, сидел — вот это и есть он, по всем статьям подходит, единственное — рост не учли, и что это не я. Все можно подделать, но рост — нельзя».

Специалист, проводившая портретную экспертизу, не смогла определить, запечатлели ли камеры в «Пятерочке» Шевченко или это был другой человек — качество записи оказалось для этого слишком низким.

Наконец, согласно протоколу осмотра видеозаписи из «Пятерочки», мужчина, которого бездомные опознали как убийцу, за полтора часа до преступления купил в магазине алкоголь — насколько позволяет разобрать нечеткое изображение, это была бутылка пива. При этом в признательных показаниях Георгия говорилось, будто перед убийством он страдал от похмелья.

Перелом в деле, впрочем, наступил вовсе не из-за доводов обвиняемого. В мае 2018-го следователь Коннов привел в СИЗО на очную ставку бездомного Игоря Веревкина, который раньше опознавал Георгия только по фотографии. Встретившись с обвиняемым лично, свидетель уверенно заявил — это совершенно точно не убийца.

«Он говорит — вижу его в первый раз, вы что? Тот был вообще другой. Следователь аж вскочил с места», — вспоминает Шевченко. По его словам, на очной ставке свидетелю предлагали присмотреться получше, обвиняемого заставляли надеть капюшон, сравнивали рост — но Веревкин так и не опознал в Георгии убийцу его товарища: тот был выше ростом, а Шевченко — ниже.

Как вспоминает Шевченко, его новый адвокат по назначению Евгений Тарабаров тогда сказал следователю: «Вы бы хоть подготовили этого дурака». Бездомного свидетеля увели, обвиняемый лишь попросил своего защитника сделать так, чтобы протокол очной ставки не пропал из материалов дела.

Впрочем, через месяц на очередной очной ставке бездомная Ефимова в очередной раз опознала в обвиняемом того Андрея, который не раз выпивал с ее компанией. Самого убийства Ефимова не видела — она вернулась на поляну у церкви уже после нападения, но еще до смерти Сухоребрикова.

В начале августа расследование уголовного дела было завершено, но прокуратура вернула его на доследование. Надзорное ведомство подчеркивало:

один очевидец убийства, Веревкин, не опознает обвиняемого, а со вторым — бездомным Репичем — не проведена очная ставка; судя по материалам дела, Репич опознал обвиняемого только по фотографиям.

Зато был в очередной раз допрошен бездомный Веревкин, причем он якобы сам попросил о повторном допросе, чтобы сообщить следствию важную информацию: теперь он опять опознавал Георгия как убийцу своего товарища.

«Я просто растерялся, я испугался на очной ставке, и поэтому я говорил не то, что надо было. Я все обдумал, я этого человека узнал <...> Этого человека из-за капюшона не очень видно было, но я узнал. Я почему не узнавал его — потому что, сами видите, какой образ жизни я вел, и пока я в себя не пришел, с головой не все в порядке было, — говорится в протоколе допроса свидетеля. — А почему я с ростом напутал, ну, начал говорить — выше ростом, не выше. Я, во-первых, с ним пил один раз всего лишь, и он тогда был в лежачем положении. Я с ростом тоже... глаз у меня не алмаз, это мне так показалось. А когда во время убийства — я был в 15 метрах от них, я практически сидел на траве, на корточках, а когда я к ним побежал, они были в положении полусогнутом, я рост по-любому бы не смог определить. А когда он убегал по пешеходному переходу, там мне уже не до роста было, я побежал в трапезную, вызывал скорую, потому что затыкали моего друга».

Несколько раз на повторном допросе свидетель Веревкин подчеркнул, что никакого давления на него не оказывается, показания он дает добровольно, и

теперь точно уверен, что Сухоребрикова убил именно Шевченко.

Об этом же он сказал на допросе в ноябре, когда в Лефортовском районном суде дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. В суде допросили даже оперативников Мешкова и Воропаева, которые заверили, что Шевченко добровольно признался в убийстве, а насилия к задержанному они не применяли.

Но присяжные, видимо, не поверили бездомным свидетелям обвинения: они путались в деталях и жаловались на плохую память, в чем-то их показания противоречили словам других очевидцев. Например, Веревкин утверждал, что именно он побежал в церковную лавку просить вызвать скорую для раненого товарища, а чтец Душкевич из старообрядческой церкви говорил, что за помощью пришла девушка.

Кроме того, в суде продемонстрировали видеозапись из «Пятерочки» с мужчиной, которого бездомные опознали как Андрея. «Они видели, что это — не я», — говорит Шевченко.

22 ноября 2018 года присяжные вынесли вердикт: им хватило 20 минут в совещательной комнате, чтобы оправдать подсудимого.

Андрей появляется (но посмертно и не тот)

Прокуратура обжаловала оправдательный приговор, и сейчас Георгий волнуется в ожидании рассмотрения дела в апелляционной инстанции.

С корреспондентом «Медиазоны» он встречается после работы на Кунцевском рынке в азиатском кафе, которое выбрал его сын, тоже Георгий. «На цены не смотри», — говорит он отцу, и Шевченко-старший налегает то на бургер, то на суши, ловко орудуя палочками. Низкий, с перебитым носом, он совсем не похож на человека с записи камер из «Пятерочки»

В его истории слишком много деталей, в которые трудно поверить, особенно во все сразу — разве что оправдательный приговор зафиксирован документально и не вызывает сомнений. Но самый странный эпизод в рассказе Георгия — его встреча с человеком, якобы опознавшим настоящего убийцу бездомного Сухоребрикова.

Шевченко утверждает, что однажды, когда его привезли в Лефортовский районный суд на продление ареста, он разговорился с другим арестантом — Денисом Соколовым, который, дослушав его рассказ до появления убийцы по имени Андрей, сказал: «Слушай, я его знаю, это мой человек! Андрей Халява, фамилия — Семенов. Он алкаш, освободился, сидел по 105-й через 30-ю (покушение на убийство). Да, это он: острый нос, рост метр-девяносто, залысина огромная».

Более того, Соколов и в СИЗО оказался из-за Андрея Семенова — оба жили в одном доме на Нижегородской улице, совсем рядом со старообрядческой церковью и поляной, где убили бездомного.

«Его все гоняли от себя, а я, дурак, на свою голову... — пересказывает Шевченко слова своего случайного знакомого. — Он спер у матери деньги, Андрей, и я его пожалел — зачем ты это сделал, идем ко мне. Мы тихо-мирно пили, он хватает мой нож, я просто успел его ударить, он ударился головой и умер. Пока суд да дело, меня обвинили в III-й 4-й (причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее по неосторожности смерть — МЗ)».

Дело, впрочем, вскоре было переквалифицировано на гораздо более мягкую статью о причинении легкого вреда здоровью (часть 1 статьи 115). Согласно приговору, 17 марта 2018 года ранее судимый за хранение наркотиков в крупном размере (часть 2 статьи 228) и побои с угрозой убийством (статьи 116 и 119) Соколов, Семенов и их знакомый по фамилии Колобанов выпивали, между собутыльниками возник конфликт, и Соколов дважды ударил Семенова по лицу.

По заключению специалистов, отмечается в приговоре, Соколов страдает зависимостью от алкоголя и опиоидов, у него выявлены неустойчивое расстройство личности и эмоционально-волевые нарушения: вспыльчивость и конфликтность. Мировой судья назначил обвиняемому полгода исправительных работ за причинение легкого вреда, но из-за уже имевшихся у Соколова условных сроков

путем частичного сложения наказаний в итоге дал ему девять месяцев колонии строгого режима.

Судебно-медицинская экспертиза зафиксировала на трупе Андрея Семенова разрыв хрящевой части носа, ушибленную рану верхней губы, кровоподтеки правой половины лица, левой глазницы, передней поверхности шеи и груди. По заключению патологоанатома, потерпевший умер от цереброваскулярной болезни, то есть поражения сосудов головного мозга, осложненного нетравматической субдуральной гематомой. То есть полученные в драке телесные повреждения, сделал вывод эксперт, не были причиной смерти Семенова-старшего.

Мать осужденного Соколова наотрез отказалась говорить с корреспондентом «Медиазоны».
Сын погибшего Семенова Владимир, напротив, внимательно изучил фотографии из «Пятерочки» и заверил: изображенный на них мужчина — не его отец.

«Одежды такой не было, во-вторых — он чуть ниже, чем мой отец, отец похудее, и очень важный момент: у этого мужчины на фотографии нет впадин на щеках. Мой отец, когда вышел из тюрьмы, у него не было ни одного зуба, он даже вставную челюсть себе не купил, сильная впадина на лице была, а у того мужчины видно, что как минимум половина зубов есть, ну и волосы — у отца никогда не было лысины», — говорит Владимир Семенов.

Фотографий отца после заключения у него не осталось — только водительские права, выданные

еще в 1999 году. Кроме того, выслушав подробности убийства в Рогожской слободе, Семенов-младший категорично заявил, что его отец был неспособен на такую жестокость.

«Он, хоть и не самый хороший человек был, такой жести никогда бы не смог совершить — там видно, что это какая-то истерия была. В лучшем случае [отец] один раз ударить исподтишка мог, это — максимум, на что он способен был», — уверяет молодой человек.

При этом он подтвердил, что Андрей Семенов отбывал наказание за покушение на убийство. «Это был даже не нож. Его довела бабка, которая терроризировала его целую неделю, там целая история была, и когда он был выпивши, был всплеск, — вспоминает Владимир. — Но даже побывав там, он этой смелости не набрался. В лучшем случае он мог один раз пырнуть и убежать, вот это действительно был он».

Андрей Семенов. Фото: из личного архива Владимира Семенова

Кроме того, отмечает Владимир, его отец сочувствовал бездомным и после освобождения из колонии часто таскал им еду из семейного холодильника. «Соколов знал моего отца и прекрасно понимал, что тот на такое не способен», — уверяет Семенов-младший. Он показывает фотографию трупа, сделанную сразу после гибели отца, и с усмешкой спрашивает: «Похоже, что у него что-то оторвалось?».

Редактор: Дмитрий Ткачев